

Смолькова Зоя Георгиевна (дев. Игнатъева), 1932 г.р., Черная Река, записано 22.07.2004, Черная Река

Соболева Клавдия Николаевна, 1929 г.р., Боярская, записано 18.07.2004, Боярская

Фомина Анна Александровна (дев. Петрова), 1930 г.р., Черная Река, записано 22.07.2004, Черная Река.

Фофанова Ефросинья Петровна, 1929 г.р., Черная Река, записано 22.07.2004, Черная Река.

Литература

Бернштам Т.А. Традиционный праздничный календарь в Поморье во второй половине XIX – начале XX в. // Этнографические исследования Северо-Запада СССР. Традиции и культура сельского населения. Этнография Петербурга. Л., 1977. С. 88–115.

А.В. Рантасало

ВЫГОН СКОТА НА ПАСТБИЩЕ В НАРОДНЫХ ВЕРОВАНИЯХ ФИННОВ

Часть I. Приготовления к выгону скота¹
(перевод с немецкого Ю.Н. Винокурова)

Введение

В Финляндии скот находился на пастбище чаще всего со дня св. Георга или же Вальпургиева дня (1 мая по н.ст.) весной до дня св. Михаила осенью, то есть пять месяцев. Так как пастбища раньше заборов не имели и находились в лесу, в котором беспрепятственно бродили многочисленные злейшие враги скота – медведи и волки, то время продолжительностью в короткое северное лето было для владельцев скота весьма напряженным; это был период, когда важнейшее средство их существования – скот – находился под угрозой со стороны диких зверей. Однако это была не единственная

¹ Der Weidegang im Volksaberglauben der Finnen. I. Die Vorbereitungen für das Vieh austreiben. Helsinki, 1945. FFC 134.

опасность. В лесу жил вместе со своими близкими лесной дух, который разными способами, в том числе и посылкой волков и медведей, принадлежащих к его «очагу», мог погубить скот. Думали, что либо весь скот, либо отдельные животные потому пропадают в лесу, что лесной дух их «прячет», так что те, кто ищет скотину, не видят ее до тех пор, пока не найдут издохшей или же пока дух не выдаст ее добровольно, либо вынужденно, еще живой. Но и этим не исчерпывались опасности, грозящие скоту. Если скот находился в лесу, где за ним невозможно было уследить, он более, чем когда-либо в хлеву, зависел от благосклонности либо недоброжелательности завистливого колдуна.

Неудивительно, что скотовод прошлого времени, прежде чем вывести свое животное из дверей хлева первый раз весной, прибегал к разнообразнейшим магическим мерам предосторожности, чтобы скот оставался здоровым и нетронутым до того момента, когда осенью он снова мог быть помещен за защищающие его стены хлева. Тех средств, которые предлагала магия для защиты скота в летнее время от опасностей и для его процветания, было недостаточно; кроме того, требовались жертвы и молитвы, чтобы добиться благосклонности могущественнейших духов, в чьем царстве, то есть в неуязвимом страхе леса, бродил скот.

Эти магические обряды и действия приурочивались к тому моменту, когда скот, перешагнув порог хлева, выходил на скотный двор, а оттуда направлялся в лес. Однако уже заранее проводилась подготовка перед критическим моментом первого выгона, и точно так же в течение всего лета прибегали к помощи этих средств, как только скоту, несмотря на все меры предосторожности, угрожала опасность, и он находился под угрозой гибели. И когда заканчивалось короткое северное лето и вместе с ним были счастливо преодолены все опасности, грозившие на пастбище, скот с разнообразнейшими обрядами и магическими действиями, которые часто имели непосредственное соответствие с таковыми при выгоне скота весной, возвращался под защиту хлева, и время пастбы завершалось.

В дальнейшем изложении магические обряды, связанные у финнов с пастбой скота, сгруппированы следующим образом:

1. Подготовка к выгону.
2. Выгон скота на пастбище.
3. Защита скота и пастьба.
4. Возвращение скота осенью в хлев.

Сообщения о финских магических обрядах дополнены сведениями о суевериях, связанных с пастьбой скота у шведского населения, живущего на побережье Финляндии, и у родственного нам народа – эстонцев, расселённых к югу от Финского залива.

В качестве сравнительного материала использованы сведения о соответствующих магических обрядах у живущих к югу и западу германских, а к востоку – славянских народов.

Главным источником послужил опубликованный автором в 1933–1934 гг. сборник материалов «Suomen kansan muinaisia taikoja. IV. Karjataikoja. I–III» [Древняя магическая практика финского народа. IV; Суеверия и обычаи, связанные с разведением скота. I–III]², рукопись которого, содержащая обширное собрание магических обрядов, была обработана Финским литературным обществом (SKS). Материалы, появившиеся после выхода в свет указанной работы и включенные в сборник заговоров (Собрание SKS), также в подавляющем большинстве были задействованы, в том числе и данные, которые вошли в большой сборник 1935 г. Среди прочих печатных источников процитированы прежде записи эстонских магических обрядов, содержащиеся в объемных сборниках Хурта и Эйзена, изданных в Дерпте (Тарту)³.

1. День первого выгона

О дне, когда выгоняли первый раз скот на пастбище, у финнов сохранилось много сведений, из которых можно видеть, что процветание скота на пастбище всецело зависело от того, в подходящий ли день он был выпущен на свободу. Как мы в дальнейшем рассмотрим более подробно, этот день был для крестьян важнейшим и наиболее ожидаемым днем весны, так как непосредственно за ним начинался весенний сев, и этот большой весенний праздник отличался своими особенными кушаньями и церемониями. К наи-

² См.: Список трудов А.В. Рантасало в конце сб.

³ Die Sammlungen von Jakob Hurt; Die Sammlungen von M.J. Eisen.

более древним относится, очевидно, обычай определения первого выгона по видимому увеличению либо уменьшению Луны, из которых в соответствии с образом мыслей гомеопатической магии делался вывод, благоприятен ли день выгона, а также определялся день первого дня сева. Процветание стада и рост его благополучия ставились в зависимость от видимого увеличения Луны на небе, и днем первого выгона выбирался такой, который приходился на время увеличивающейся Луны (alkukuu, yläkuu, uusikuu). Если скот первый раз выгонялся на пастбище в один из таких дней, то коровы доились хорошо, а скот из лесу домой приходил невредимым. При полнолунии эти свойства Луны были наиболее сильными, и поэтому считалось, что скот, который в первый раз выгнали в поле в полнолуние, имеет наивысшую степень благополучия. И наоборот, время уменьшающейся Луны предвещало несчастье, и в такое время скот не выгоняли.

Точно так же считали в областях Финляндии со шведским населением: если сделать первый выгон в период «новой» Луны, то корм летом не переведется.

У наших соседей – эстонцев, живущих южнее по побережью Балтийского моря, были похожие представления: если выгон скота состоится во время «молодой» Луны, то скот останется здоровым и будет расти хорошо. Наилучшее время – полнолуние, тогда все лето стадо останется «полным», то есть ни одно животное не пропадет. Напротив, при уменьшающейся, «старой», Луне выгонять нельзя, это принесет скоту несчастье.

Так как в Германии представления о фазах луны, приносящих либо счастье, либо несчастье, были те же, что и в Финляндии, то и соображения по времени выгона скота похожи.

Среди других явлений природы при выгоне скота в Финляндии обращали внимание и на направление ветра в этот день. Наиболее благоприятным был южный ветер. Тогда лето для скота было счастливым. Коровы хорошо доились и в сохранности возвращались из леса домой. Наоборот, северный ветер был несчастливым. При северном ветре «все злые силы – в пути», поэтому скот выгонять нельзя. Все лето будет холодная погода, коровы будут доиться плохо, из леса они домой не вернуться.

Восточный ветер, который во время выгона скота дул редко, трактуется так же, как и северный, – скот выгонять нельзя. В шведскоязычных областях Финляндии южный ветер тоже благоприятен, северный – нет. Такие сведения были обнаружены в протоколе суда от 1666 г. Согласно этому источнику, восточный и западный ветры неблагоприятны. Если выгнать скот при северном ветре, то коровы домой будут возвращаться плохо, а в лес придет много волков.

Кроме ветра, обращали внимание на облачность и дождь в день первого выгона. В солнечный день животных не выгоняли, потому что они слепнут, у них кружится голова. Поэтому выбирали облачный день. Это можно объяснить только тем, что скот, всю зиму находящийся в темном хлеву, был особенно чувствительным к солнечному свету, поэтому такой день нехорош. Напротив, для первого выгона выбирался дождливый день, так как в соответствии с магическими представлениями падение капель дождя на коров приводило к увеличению количества молока. Если коров выгоняли первый раз в дождливый день, то полагали, что они будут больше давать молока; если же погода сухая, то молока будет мало. Также предполагали, что животных не будут мучить мухи и слепни. Реже встречалось представление о невыгодности выгона в дождливую погоду, так как это приводило к тому, что «спины у коров летом тоже будут мокрые», в чем также узнается гомеопатический образ мыслей, по которому признак нездоровья коров – мокрая спина.

Подобные представления о том, что дождливый день не подходит для выгона, встречались и в Швеции.

И все-таки, согласно имеющимся данным, описанные явления природы для выбора дня первого выгона скота были менее важны, чем, например, явления природы при выборе первого дня сева. Это, очевидно, связано с тем, что крестьянин, бросив зерно в пашню, находился в большей зависимости от погоды, чем при пастьбе скота.

Намного важнее для защиты скота на пастбище было первый раз выгнать его в весенний праздник почитаемого святого. При этом считалось, что этот святой проявит заботу о скоте и защитит его от опасностей. Или же скот выгоняли в большой церковный

праздник и надеялись, что это принесет ему удачу (благословит его). Среди таких дней первого выгона есть два, которые более распространены и намного важнее других – день св. Георга (23 апреля) и Вальпургиев день (1 мая).

День св. Георга (Ytjön päivä, Ytjin päivä) был «праздником скота». В этот день старались выгнать скот на пастбище, даже если земля еще была покрыта снегом, а в лесу было недостаточно корма. В этом случае скот находился на дворе лишь несколько часов, затем его загоняли обратно в хлев, чтобы дожидаться лета. Особенно часто так поступали с лошадьми, их загоняли в стойло еще на несколько недель, хотя коровы и овцы уже могли искать в лесу себе корм. В более поздние времена днем выгона скота всегда выбирали «старого» Георга, который по старому летоисчислению был позже, чем по новому, когда он наступал уже в апреле. Если на день св. Георга шел снег и погода была неподходящей, то скот выгоняли на вторую или третью неделю после него, но в такой же день недели, на какой приходился день св.Георга.

О Вальпургиевом дне как первом дне выгона скота весной имеются похожие сведения: скот выгоняли, даже если на земле лежало так много снега, что его приходилось убирать со скотного двора, чтобы скот мог выйти. Коровы должны были хотя бы обойти кругом двор, если уж не могли отправиться на пастбище, так как «для коров это было очень полезно». И затем они выгонялись в такой же день недели, какой был в Вальпургиев день, либо на третий день после него. Но третий день перед Вальпургиевым днем, так называемый день змеиной течки, днем выгона не выбирался, так как коровы бы тогда все лето «страстно резвились».

День св. Георга был днем первого выгона в восточной Финляндии, а Вальпургиев день – в западной, хотя известны и исключения из этого правила. Оба эти важнейших дня являются в финской традиции типичными примерами двух противоположных культурных потоков, и они помогают будущим поколениям познать все богатство финских магических обрядов и верований.

Вальпургиев день как день первого выгона скота известен также и у шведского населения, проживающего в западной Финлян-

дии. У наших западных и южных германских соседей Вальпургиев день в скотоводстве имеет то же значение.

В Швеции еще в XVI в. был издан указ считать днем первого выгона скота Вальпургиев день. В немецких областях этот день также повсеместно считался днем первого выгона скота, и скот должны были выгонять вне зависимости от того, был ли уже корм на пастбище, или же еще лежал снег.

День первого выгона скота у восточных финнов, день св. Георга, являлся также общим для всех днем первого выгона и у нашего братского народа, эстонцев, живущих по соседству в России. Все животные выгонялись одновременно, даже если еще лежал снег: «свиньи и поросята, маленькие ягнята утопали в снегу, и если они не выходили, то их били». Скот нельзя было выгонять до дня св. Георга, так как лишь с этого дня у волка «узда на голове, а железо в пасти» или «золотая уздечка вокруг головы», потому он ничего не мог сделать скоту. Именно св. Георг является «повелителем» волков, он ездит верхом на волке: «когда волк с открытой пастью бежит через стадо, на нем сидит верхом св. Георг, и если взглянуть в трубку из бересты, то его можно увидеть на спине зверя». Рассказывали, что летом на глазах у волка можно было увидеть полосы, потому что он был взнуздан; волка также называли «собакой св. Георга». Если скот выпускали на свободу перед днем Георга, то его от волка мог защитить только пастух, но после дня Георга животных брал под защиту сам св. Георг. На Михайлов день уздечка из пасти волка снова убиралась. Говорили также, что волки – собаки св. Георга – не могут причинить вред, если их кормит сам св. Георг, и тогда они не едят говядину и баранину.

В восточной Германии, где, как и у эстонцев, волк считается верховой лошастью св. Георга, первый раз весной выгоняли скот также в этот день.

В России св. Георг (Егорий) – покровитель скотоводства и «хозяин волков», и в его день скот выгоняли на пастбище. Точно так же этот день служил днем первого выгона скота у южных славян и венгров.

День Обретения Креста Господня (ristin päivä) (3 мая) и как святой праздник, и как праздник памяти о кресте, защищающем от всякого зла, соперничал в качестве дня первого выгона с Вальпургиевым днем. По многочисленным свидетельствам, скот выгоняли на пастбище, даже если еще лежал снег, и лишь затем возвращали в хлев. И окончательно выводили скот на пастбище в такой же день недели, что и день Обретения Креста. Этот день в качестве дня первого выгона скота был особенно распространен в Саво и у финнов Швеции.

День св. Эрика (18 мая) – типичный день первого выгона у западных финнов. Его называли «приметный день стариков» и «день общего выгона», когда скот выгоняли на пастбище вне зависимости от того, был там корм для него или нет, и до этого дня скот выгонять было нельзя.

День св. Эрика служил общим днем выгона скота и у прибрежных шведов Финляндии. Считалось, что скот, которого выгнали первый раз в день св. Эрика, ждет благополучие на время всего лета.

Раньше у западных финнов днем первого выгона был еще день Урбануса (25 мая). Если скот выгоняли раньше этого дня, то его в течение всего лета преследовали несчастья, поэтому скот нужно было выпустить на свободу именно в этот день.

Этот день как день первого выгона скота известен также в шведской области Финляндии: в день Урбануса либо сразу же после него скот выпускали на волю. В Швеции также в этот день скот отправлялся на пастбище.

В Финляндии зафиксировано, что выгон скота привязывался и к Троицыну дню. Если корма было достаточно, то скот выпускали на свободу на третий или четвертый день праздника. В православной области востока Финляндии первым днем выгона был Николин день (9 мая). Если на Егория еще лежал снег, то скот выгоняли в лес на Николу, и, по некоторым сведениям, в этот день выгоняли и лошадей. Троицын день известен как день первого выгона и в Германии. При этом ссылались на «обычай дедов» выгонять скот на пастбище в Троицу; причем наилучшим днем считался первый день праздника.

Однако имеются сведения, полученные в основном на финской территории, что днем выгона выбирался наиболее подходящий день недели, «когда беда уходила с дороги». И в этом случае типичным является то, что часто дни противопоставлялись друг другу. Это можно объяснить тем, что в языческие и более поздние времена христианской эры источники для определения дней недели были самыми разнообразными. Когда мы в дальнейшем рассмотрим в совокупности пригодность, с точки зрения финнов и их южных и западных соседей, различных дней недели в качестве дней для первого выгона, то увидим это разнообразие.

Понедельник в Финляндии был самым неподходящим днем для выгона. Об этом упоминается уже в источнике 1754 г. Он не подходил по той причине, что раньше, в шведские времена, этот день был «днем повешения», а также потому, что он был «днем зависти». Коровы начинали хромать, на них сваливались разные беды, кусала змея или еще что-нибудь в этом роде.

В шведской области Финляндии – понедельник тоже неподходящий день.

У эстонцев понедельник был «наиболее плохим», «днем несчастий», и потому скот не выгоняли, так как потом следовали несчастья, а летом скот уничтожал волк. Особенно много документов, подтверждающих это, из южной Эстонии.

У наших германских соседей понедельник также являлся неподходящим днем для первого выгона скота; в Швеции в понедельник скот не выгоняли, потому что в этот день свой скот выгоняют ведьмы; в Норвегии в этот день скот также не выпускали; в Дании полагали, что последствием выгона животных в этот день будет смерть одного из них. В Германии, где представления о несчастливом значении понедельника широко распространены, он считался неподходящим днем для выгона.

Вторник у финнов был чаще всего одним из подходящих дней для первого выгона. Однако кое-где в этот день выгона не делали, потому что «коровы будут тощи, как палочки» и будут давать мало молока.

В Эстонии вторник считался подходящим днем для выгона: волк не нападал на стадо. Однако бытовали и противоположные представления: если выгнать стадо в этот день, то его ждут несчастья.

В странах Скандинавии и в Германии также было широко распространено мнение о вторнике как наиболее подходящем дне для первого выгона: в Швеции в этот день выгоняли стадо на летнее пастбище; в Норвегии это также был день первого выгона стада весной; в Дании вторник считался предпочтительным для первого выгона, потому что он являлся одним из трех «мясных дней»; в немецких Рудных горах, области Альгёй и Трансильвании вторник считался наилучшим днем для выгона. В Силезии были противоположные представления: так называемый мясной день считался неподходящим для выгона.

О среде как первом дне выгона у финнов противоречивые мнения: скот будет хорошо расти, если его в первый раз выгнать в среду, но вместе с тем среда – нехороший день, так как она была «днем рождения волка».

В Эстонии по рассказам большинства информантов среда являлась самым плохим днем для выгона: скот не растет, на него будет нападать волк, то есть это был несчастливый день; но кое-где среда считалась благоприятным днем.

У германских народов представления о среде как первом дне выгона отличались большим разнообразием: в Норвегии она не была днем первого выгона; в Германии скот в среду не выгоняли, потому что она являлась одним из так называемых масляных дней – если в этот день выгнать скот, то можно остаться вообще без масла, среда считалась одним из самых плохих дней. Однако в Пруссии среда была одним из подходящих дней для выгона, а в Мекленбурге выгоняли молодняк скота, цыплят, утят, гусят, потому что это был день, «когда ворона их не видит».

Четверг в Финляндии повсеместно считался наиболее плохим днем для первого выгона: он приносит скоту несчастье. Встречаются и противоположные мнения о четверге.

О пригодности четверга для первого выгона скота в германских областях бытовали два разных мнения: в Норвегии в четверг скот не выгоняли, потому что это был «мясной день» и поэтому дикие звери были особенно опасны; в Швеции скот не выпускали, потому что в этот день скот выгоняли ведьмы; в немецких областях были те же представления: в Мекленбурге скот не выгоняли, потому что это

был «мясной день», и если выгнать коров на пастбище, то они будут жиреть и давать мало молока. В Силезии и Тироле этот день также считался несчастливым, и скот на пастбище не выгоняли.

Довольно широко были распространены и противоположные представления: в Норвегии во многих местах четверг считался одним из благоприятных дней для первого выгона; в Дании четверг был хорошим днем, так как это «мясной день», а потому скот будет хорошо набирать вес. В Германии четверг также был распространен в качестве дня первого выгона скота.

Пятница была в Финляндии чаще всего самым плохим днем для первого выгона. Гораздо реже – как подходящий день. Говорили, что коровы лучше возвращаются домой, если их выгнать в конце недели.

В шведской области Финляндии пятница – тоже неподходящий день.

Эстонские скотоводы рассматривали пятницу как особенно несчастливый и плохой день недели. Если в этот день выгнать скот в первый раз, летом будет много убытков, животные будут болеть, умирать, на них будет нападать волк. Пятницу расценивали как плохой, приносящий беды, и особенно как «ведьмин день». Подобные представления о пятнице преобладали в южной Эстонии.

Противоположное мнение о пятнице встречалось в Эстонии очень редко. То, что пятница, как и понедельник, считались неподходящими для выгона скота, объясняли тем, что эти дни особенные для волков: в понедельник волки родились, а в пятницу их крестили.

У германских народов пятница повсеместно была неподходящим днем для выгона: в Швеции в пятницу скот не выгоняли; в Норвегии полагали, что если в этот день выгнать скот в первый раз, то его ждут всяческие несчастья; в южной Германии в этот день скот тоже не выгоняли. Встречаются и противоположные сообщения: в Швеции в пятницу скот выгоняли; в Германии (Пруссия) пятница также считалась подходящим днем, то же самое в Гессене, где пятница была одним из лучших дней для выгона.

Суббота у финнов повсеместно являлась плохим днем для выгона. Говорили: «в субботу выгонять нельзя, а то в воскресенье

волки животных съедят»; скот с пастбища будет убегать, коровы будут доиться плохо. Но кое-где бытовало мнение, что первый раз нужно выгонять в субботу, потому что тогда скот лучше будет возвращаться домой.

У эстонцев суббота повсеместно была одним из лучших дней для первого выгона. В этом случае коровы не взбрыкивали, а наоборот, были спокойны и хорошо развивались.

В Германии и Швейцарии суббота считалась неподходящим днем для первого выгона: в Ольденбурге животных в этот день не выгоняли, потому что тогда бы они умирали, в Нижней Померании суббота была неподходящей как «масленный день», потому можно было остаться вообще без масла. У германских народов бытовали и противоположные воззрения: в Норвегии суббота вместе с вторником и четвергом считались хорошими днями, потому что остальные дни были «злыми»; в Германии, в Мекленбурге, в субботу выгоняли мелкую домашнюю птицу, потому что ее «не увидят вороны».

Воскресенье в Финляндии сравнительно редко было первым днем выгона скота. Животных старались не выгонять в этот день, потому что они в этом случае не возвращались обратно, плохо доились, на них сваливались беды, коровы терялись из стада. Встречалось, хотя тоже редко, совершенно противоположное мнение: если скот выгнать во время богослужения, то он услышит колокольный звон и потом хорошо возвращается домой.

У эстонцев о воскресенье как дне первого выгона сведений мало, и они также очень противоречивы. Как «мясной день» он был неподходящим, однако кое-где считался счастливым.

Напротив, у германских народов воскресенье широко признавалось хорошим днем для выгона: в Швеции коровы в этот день впервые отправлялись на пастбище; в Дании воскресенье было благоприятным днем, так как он считался «мясным», и коровы, отправленные в первый раз в этот день на пастбище, хорошо развивались и набирали вес; в Германии воскресенье тоже было подходящим для выгона скота. И наоборот, этот день считался неподходящим: в Норвегии в воскресенье скот не выгоняли на пастбище; в Германии (Мекленбург) коров не выгоняли, так как этот день был

«мясным», то и коровы становились тучными, но давали мало молока; в Шлезвиг-Гольштейне этот день тоже признавался для выгона скота неблагоприятным.

Приведенные выше зачастую противоречивые мнения о том, подходящи или неподходящи различные дни недели для начала работ, встречаются у финнов и их соседей совершенно аналогично традициям магических представлений, так что нет единой точки зрения в вопросе о первом выгоне скота. И все же отдельные признаки, по которым тот или иной день считается подходящим для первого выгона скота, распознать можно. Так, в Финляндии мнение о том, что понедельник неблагоприятен для первого выгона, основывается на следующем: скот плохо возвращается домой, если выгон происходит в первый день недели, потому что с понедельника до конца недели срок больше, чем от дня кончающейся недели, например от субботы; выгнанный скот возвращается домой быстрее, точно так же, как быстрее наступает конец недели.

Соответствуют гомеопатической магии и представления эстонцев и германских народов о пригодности либо непригодности в качестве дня первого выгона так называемого мясного дня. Если в такой день выгнать скот, а в этот день едят мясо, то и на пастбище дикие звери тоже будут есть мясо и преследовать скот, поэтому в Эстонии, Норвегии и Германии такого дня старались избегать. Однако также полагали, что если в день выгона скота есть много мяса, как это происходит, например, в день убоя скота, то можно ожидать хороший рост скота на убой, если выгнать его в первый раз в так называемый мясной день. Так чаще всего считали в Дании, где скот старались выгнать первый раз именно в «мясные дни» – во вторник, четверг и воскресенье. В Германии непригодность «мясного дня» для первого выгона обосновывали тем, что коровы будут жиреть и давать меньше молока. Некоторые дни были неподходящими потому, что связывались со злейшим врагом скота – волком. Такими являлись, как выше говорилось, «дни рождения волка» – среда в Финляндии и понедельник в Эстонии, и «день крестин», которым в Эстонии считалась пятница. Иногда скот выгоняли в такой же день, на какой выпадало в соответствующем году Рождество.

Из некоторых сообщений можно видеть, что при первом выгоне скота пытались выбирать и подходящее, связываемое с важными магическими представлениями время суток. В Финляндии наиболее благоприятным временем для первого выгона считались ночные часы. Имеются данные по Эстонии о том, что крестьяне и крестьянки скот выгоняли тайком в полночь. Богемские немцы выпускали лошадей на пастбище перед восходом солнца в Вальпургиев день, известный день выгона скота.

Как следует из вышеупомянутого сообщения из Эстонии, выбор ночных часов для первого выгона скота объяснялся тем, что никто в это время не мог увидеть те магические действия, которые при этом совершались, и их нейтрализовать. Однако настоящая причина выгона скота ночью (да и вообще при использовании магии в связи с какой-либо работой), та, что ночь в мире духов соответствует «дню», и в это время духи в движении и лучше реагируют на магические действия колдуна, чем в дневные часы, которых духи избегают.

Особенным в важнейших финских днях выгона скота весной – св. Георга, Вальпургиевом, Эриха и Урбануса – было и то, что они становились одновременно первым днем сева. Некоторые информанты не называли эти дни первого выгона, а говорили только, что скот выгоняли весной в тот день, когда в землю ложились первые семена; и это важнейшее событие в жизни землепашца было особенно праздничным. Так день первого сева и первого выгона стал у земледельца важнейшим сельскохозяйственным праздником весны.

Характерной чертой праздника являлась тишина: весь день должно быть тихо, любой шум был нежелателен. Ухаживающие за скотом и обитатели усадьбы должны были говорить как можно меньше; было хорошо, если вообще обходились без разговоров. Если это не соблюдалось, то скот ожидали разные беды, а летом на него нападали дикие звери.

К церемониям дня относилось прежде всего угощение всех. В пиршестве принимали участие не только все обитатели усадьбы, но и чужие, которые случайно заходили во двор: никто не мог пройти мимо, не угостившись. Чем больше ели, тем лучше ел ле-

том и скот. Но в этот день нельзя было выносить из усадьбы никакой еды. Так, рабочие, которые случайно заходили в чужие усадьбы, вдоволь угощались, однако в этот день им запрещалось покидать усадьбу, потому что считалось, что они могут увести счастье скота из дома. Нищие тоже могли есть только во дворе, но в суму еды им не давали. Только когда коровы вечером возвращались домой, давалась еда, которую можно было уносить с собой. Тогда летом скот из леса благополучно возвращался домой.

Кушанья этого праздника были определенного вида и готовились по старинному способу. Важнейшими праздничными кушаньями были каша, молочный суп и особым образом испеченный хлеб.

Каша в соответствии со значением дня называлась «скотинная каша» или «каша выгона скота», готовилась из ячменной, либо ржаной муки, но варилась не как обычно на воде, а на молоке. Крестьянка сама варила ее утром, и кашу нужно было съесть до выгона скота; и пока ее не съедали, скот не выгоняли. На стол она ставилась в бочонке, из которого все ели одновременно, а в середине его лежал кусок масла, «глаз» каши.

Молочный суп готовился из снятого молока, и было хорошо, если бралось молоко от всех коров. Примешивались хлеб, сыр или остатки каши от завтрака. Суп ели днем или вечером, иногда и утром, и считали, что если домочадцы в день выгона коров съедят много сваренного молока, то коровы будут доиться хорошо, наступит «хорошее молочное лето». Хлеб, который съедали в день первого выгона скота, называли «тело скота» или «коровий хлеб», «тело крестьянки», «начальный хлеб» (karjankakku, lehmänleipä, emännänkakku, alotosleipä), но чаще всего он назывался «рождественский хлеб» (joululeipä), потому что пекли его уже к Рождеству. Реже его пекли осенью, из муки нового урожая при первой выпечке, либо к Масленице. Иногда в день выгона, день св. Георга (Jurin päivä) его называли jurkeä. Иногда для дня первого выгона выпекали два хлеба, из которых один съедали во время выгона овец, другой – при выгоне остальных животных.

Хлеб, выпекаемый для дня первого выгона, был необычно велик, намного больше, чем выпекаемый к Рождеству, так велик, что

на него использовалось все тесто. Его поверхность украшалась особым образом: на ней выдавливались ключом от кладовой или вообще ключами углубления, либо она украшалась рогами. Хлеб также украшали крестом – так называемый крестовый хлеб (ristileipä). В середину хлеба, при посадке его в печь, втыкали колосья ржи.

Если «скотинный хлеб» выпекали уже к Рождеству, то было в обычае выставлять его на стол во время праздника, но есть его было нельзя. Его хранили потом или в хлебной корзине, или вместе с рождественскими хлебами. Если к Рождеству для всех обитателей усадьбы выпекали особый хлеб (nimikkoleipä), каждому свой, то на стол хлеба ставили следующим образом: самым нижним на рождественский стол клали хлеб хозяина, который был больше всех и назывался «посевной хлеб» (kylvöleipä), на него клался хлеб немного меньшего размера – хозяйки, который назывался «скотинный хлеб» (karjanleipä), и на них – хлеба для детей и прислуги, которые были меньше размером и венчали эту хлебную башню. Под «скотинный хлеб» на стол клали четыре более маленьких хлеба, так называемые ноги, или же специально пекли как «ноги» шесть маленьких хлебцев и на них ставили большой хлеб посреди стола. Иногда в середину «скотинного хлеба» втыкали вертикально нож, а вокруг него так вырезали хлеб, что на рождественском столе он служил как бы хлебной корзиной. Под хлеб на стол также клали в качестве подкладки длинную щепку либо медные деньги в определенном порядке. Крошки, которые во время рождественской трапезы упали на стол, собирали, чтобы в свое время дать скоту. Иногда большой хлеб, лежащий на столе, накрывали скатертью либо зажигали на нем свечи.

После того как хлеб пролежит нетронутым на столе с Рождества до Крещения, его уносили в кладовку, и там он дожидался весны. Иногда его выносили к столу на Сретенье, после чего убирали обратно. На день выгона скота хлеб ели, причем иногда его крошили в кипячёное молоко. Хлеб ели все, и особенно пастухи, его получал и скот, и даже собак при этом не забывали.

Если все делали так, то скот летом хорошо развивался, а злейший враг скота – медведь – его в лесу не преследовал.

С вареным молоком в западной Финляндии ели также сыр, который назывался «выгонный сыр» (lehmänlaskujuusto). Этот сыр, который еще называли и хлебным, готовился утром дня выгона или даже раньше, в Масленицу, а затем сушился под стропилами.

Другим кушаньем в день выгона скота, правда, реже, был гороховый суп из бока овцы, зарезанной на Михайлов день, либо с мясом всех съедобных домашних животных, либо с грудинкой коровы, или же мясной суп, который варили из грудинки коровы, или рыбный суп и вареные яйца.

До выгона скота в лес к кушаньям ни разу не притрагивались, но потом начинали усердно есть и пить.

Если это не соблюдалось – скот ждали беды.

«Однажды один хозяин достал кусочек из мясного супа, сваренного из грудинки коровы, и в это лето у него в стаде волки съели лучшую корову». «Скотинная каша» готовилась очень тщательно, потому что если она хоть чуть-чуть подгорит, то в это лето корова утонет в болоте. Кашу ели тихо и серьезно, потому что в противном случае можно было задеть ложкой «масляный глаз» в середине каши, а это означало беды для коров на летнем пастбище, и уж с кем такая оплошность случится, то у того корова попадет в болото. Если в кладовке мышь прогрызет в хлебе дырку, то это означает, что скот летом ожидают несчастья. Вода, в которой мыли крупу для «скотинной каши», обладала волшебной силой, и ее давали пить коровам, чтобы они хорошо ходили по пастбищу; масло, которое лежало на каше, как «глаз», использовалось для смазывания сосков у коровы.

Духи, от милости которых зависело благополучие скота на летних пастбищах, получали свою часть кушаний первого дня выгона скота: под высокую ель на краю поля усадьбы приносили на день св. Георга кушанья, пироги, молоко, масло, яйца, и если летом внезапно умирала корова, то думали, что день св. Георга был отпразднован неправильно. В то время как крестьянин со скотом был в лесу, крестьянка с бочонком, полным горохового супа, шла к дереву, которое стояло ближе всего к усадьбе, произносила «Отче наш» и молитву и затем капала гороховым супом под дерево; возвратившись с выгона, крестьянин ел этот суп. Рыбу из рыбного супа кла-

ли в треугольный кузов из бересты и приносили его в лес, где и закапывали на территории пастбища. Ещё в 1830-е гг. бытовал обычай в день выгона скота, который был также и первым днём сева, в так называемое утро начала (alotusaamu), часть всех кушаний, приготовленных в крестьянском доме, класть на пашне под берёзу; крестьянка в первый день выгона скота «кормила духов», для чего испечённые для них в печи хлебцы приносила в коровий хлев и там клала их под столб.

У православных в восточной Финляндии сохранился как отголосок древних жертвоприношений обычай приносить в церковь на Егорьев день шерсть и яйца; после окончания богослужения эти продукты продавались, а выручку вносили в кассу Егория. О похожем посещении церкви в Егорьев день говорится в источнике 1750-х гг.: скот в этот день выгоняли на пастбище и шли в церковь, неся с собой бутылки с пивом; там их осушали, зажигали свечи и жертвовали деньги с тем, чтобы скот хорошо рос.

Представленные выше сообщения о празднике первого дня выгона скота весной можно дополнить сведениями о сохраняющемся в Финляндии празднике, связанном с первым днем начала сева. Первый день сева тоже праздновался как большой праздник, и все участники его должны были надеть чистую одежду, следовало избегать всякого шума, а грязная работа, такая как большая стирка, запрещалась. Важнейшими праздничными кушаньями были особым образом приготовленная каша с «масляным глазом», варёное молоко, своеобразно испечённый и сбережённый хлеб, который пекли обычно уже к Рождеству, на Рождество выставляли на праздничный стол, а затем зимой хранили его в амбаре и который назывался чаще всего «посевной хлеб» (kylvöleipä). Прочими праздничными кушаньями были гороховый суп из баранины осеннего забоя либо с коровьей грудинкой и рыбные супы. Настоятельно предостерегали от того, чтобы в этот день не выносили еду за пределы усадьбы, хотя всех чужих угощали. Часть каши, которую ели в первый день сева, клали под святое дерево или относили духам в ригу и посредством этих подарков, а также и хлеба просили за грядущий урожай.

Сообщения о праздничных обрядах первого дня выгона скота и первого дня сева совпадают до мельчайших подробностей, так что они подтверждают высказывания многих информантов о том, что обряды первого выгона и первого сева проводились в один и тот же день, который затем превратился в большой праздник весны.

Хлеб особого вида, который ели люди и животные в первый день выгона скота и который выпекался чаще всего к Рождеству, встречается также и у наших соседей – эстонцев и германских народов.

В Эстонии ко дню первого выгона пекли особенный хлеб, который по внешнему виду отличался от обычного хлеба; названий его было очень много. Чаще всего выпекали его к Рождеству, иногда к новогоднему вечеру либо в новогоднюю ночь, к Антонову дню (17 января), к Масленице либо к среде на первой неделе Великого поста, или же лишь ко дню первого выгона, то есть ко дню св. Георга. По некоторым сообщениям, этот хлеб пекли из особого теста: для него мололи на ручной мельнице три вида зёрен – рожь, овес и ячмень, либо готовили тесто из остатков масленичной каши или же масленичного супа и ячменной муки, либо на воде, в которой мылись ложки, использованные для еды в масленичный день; при выпечке в тесто клали много соли либо подмешивали соломинку, которую корова несла во рту, когда в Михайлов день возвращалась в свой хлев.

Хлеб обычно был круглый, каким чаще всего он бывает. Особенность его формы заключалась в том, что это был «большой хлеб», выпекался высоким (*kuhjakas, torniga leib*), но это мог быть и маленький хлеб, иногда выпекали три маленьких хлеба. Если хлеб был маленьким, то его выпекали таким образом, что он укладывался на большой хлеб; также хлеб в печи иногда закрывали горшком и так выпекали. Иногда в середине хлеба проделывали дырку. Особенным в таком хлебе было украшение его поверхности: на неё наносили различные знаки и крест; в качестве предметов для нанесения украшений служили водочная рюмка, наперсток, кольца, застёжки, рублёвые монеты, с помощью которых на поверхности хлеба выдавливались углубления; это были либо три знака, или же ими покрывалась вся поверхность хлеба.

Если этот хлеб дня выгона имел обычную форму, то и названия особенного у него не было, либо его называли по времени изготовле-

ния – рождественский, реже – по цели его изготовления, для принесения счастья – «счастливым хлебу» или же «скотинный хлеб», либо «бычий хлеб». Эстонцы имели на день выгона и хлеб совершенно другой формы, хлеб такого вида назывался «рождественская свинья» (jõulu-orikas) или «рождественский бык» (jõulu-pull). «Рождественская свинья» – хлеб, испеченный в виде свиньи, с выдавленными в тесте круглыми глазами, либо для глаз и носа брали сало из свечи, изготовленной из бараньего сала, а на спине выдавливали ключом от кладовой знаки или на спину наносили чёрточки, обозначающие щетину, в один конец хлеба всовывали землю, а в другой – соль. «Рождественскому быку» вставляли маленькие рожки и хвост, а вдоль спины делали «ложбинку».

Если хлеб выпекался к Рождеству, то его выставляли на стол нетронутым либо только на Рождество, или на Рождество и на Новый год, либо на Рождество, Новый год и Крещение, или на все рождественские праздники до Крещения. На рождественском столе на месте под хлеб рисовались мелом три креста, иногда под хлеб насыпали три кучки соли. В хлеб втыкали вертикально нож или на нём зажигали свечу, либо накрывали белым платком. Хлеб также клали под икону, где во время праздников, особенно ночью, горели три церковные свечи. Рождественским утром его тоже поливали водкой.

После Рождества хлеб чаще всего убирал на хранение, для того чтобы он дождался того весеннего дня, когда скот в первый раз пойдет на пастбище. Гораздо реже бывало так, что в Рождество, на Новый год, Крещение либо Масленицу уже съедали часть хлеба, а другую половину или же только первый отрезанный ломоть, или последние крошки сохраняли до весны. Местом для хранения служили обычно ящик для зерна (закром) либо мешок для ржи, иногда для этого использовалась воронка ручной мельницы, и только сам хозяин мог взять оттуда хлеб, а позднее он возвращал его на место.

В Эстонии чаще всего весной, в первый день выгона, этот хлеб скармливали скоту: три раза каждому животному давали полный рот, или же хлеб делили на столько частей, сколько было животных, так что каждый получал свою долю; делил хлеб сам хозяин.

Во многих местах этот хлеб давали пастуху, если он в первый день шёл пасти скот, но пастух есть хлеб не мог, а вечером снова приносил в дом, где хлеб делили только среди животных. Хлеб давали животным и в пойле. Реже бывало так, что сами люди ели этот хлеб. От «рождественского быка» хвост, рога и голову давали скоту, от «рождественской свиньи» первый ломоть отрезали в суму пастуху, а остатки отдавали скоту либо делили на три части, из которых одну делили между пастухом и стадом, а остальные две съедались членами семьи весной.

Целью выпечки этого особенного хлеба было то, чтобы скот оставался здоровым, чтобы уберечь его от несчастий, которые подстерегали его летом, чтобы он давал больше молока и масла, чтобы животные размножались, корм на пастбище не переводился, волки на стадо не нападали, чтобы злой глаз животных не заколдовал.

Как в Финляндии, так и в Эстонии с помощью этого хлеба угадывали будущее. Когда готовилась «рождественская свинья», каждый член семьи клал в нее на счастье крупинку соли. Весной, когда выгоняли скот, смотрели, чьё зёрнышко соли исчезло – значит, тот и умрёт в этом году; либо под хлеб на рождественский стол клали три кучки соли: одна – для рогатого скота, вторая – для овец и третья – для свиней; животных, чья кучка соли растопится, ожидают в следующем году несчастья; или же под хлеб клали только одну кучку соли, и если она за ночь растворялась, должен в этом году кто-то в усадьбе умереть либо наступит другое несчастье. Также по тому, как хлеб сохранялся за зиму, определяли: если хлеб заплесневел – будет умирать скот, если его погрызли мыши – животных летом съедят волки.

У шведского населения Финляндии тоже в весенний день первого выгона пастухам и скоту давали хлеб, испеченный к Рождеству, особенным образом украшенный и сохраненный до весны.

В Швеции также выпекались круглые, как в Финляндии и Эстонии, либо похожие на животных, как в Эстонии, рождественские хлебы, которые использовались как «посевные хлебы», о чем говорится в большинстве сообщений, в отличие от Эстонии, где они применялись почти повсеместно как «скотинные хлебы».

В праздник первого выгона скота, который проходил в Эстонии обычно в день св. Георга, готовили особенные блюда. Когда скот в день св. Георга в первый раз в полдень пригоняли домой, коров доили и из молока варили кашу или яичную болтушку, «потому что раньше это был очень значительный день». В такой день также резали петуха и съедали его в хлеву на яслях. Ели его либо только мужчины, либо вся семья. После этого выгоняли лошадей и уже теперь не опасались, что кому-то из них посредством колдовства будет нанесён вред. Также считали, что лошади будут сильными и крепкими. Это последнее сообщение может быть дополнено данными из южной Эстонии, в которых не говорилось о съедении убитых животных в хлеву; на день св. Георга на краю лошадиных яслей резали петуха, а на краю яслей других животных – кур; петух должен быть такой же окраски, как и лошадь, либо совершенно черным, тогда животные все лето будут здоровы.

По некоторым сообщениям, это жертвоприношение на день св. Георга, приносимое обычно в пользу лошади, проводилось следующим образом: черный петух закапывался живым под дверь, вероятно, со стороны конюшни.

В Эстонии известно также и финское суеверие, что на первый день выгона скота нельзя никому доверять свое стадо, а кто это делает, тот как будто бы отдаёт одного из животных волку.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ТРУДОВ А.В. РАНТАСАЛО (A.V. RANTASALO)

Maanviljelystaijoja. Suomen kansan muinaisia taikoja. III [Сельскохозяйственная магия. Древняя магическая практика финского народа. III]. SKST. Helsinki, 1912. 331 p.

Der Ackerbau im Volksaberglauben der Finnen und Esten mit entsprechenden Gebräuchen der Germanen verglichen. I. Helsinki, 1919. FFC 31. 96 p. [Земледелие в народных верованиях финнов и эстонцев в сравнении с верованиями германских народов. I].

Der Ackerbau im Volksaberglauben der Finnen und Esten. II. Helsinki, 1919. FFC 31. 143 p. [Земледелие в народных верованиях финнов и эстонцев. Ч. II].